

НИКОЛАЙ ПАВЛОВИЧЪ О ЛЕРМОНТОВЪ.

Въ нынѣшнюю семидесятую годовщину кончины Лермонтова для людей, дорожащихъ его памятью, любопытно будетъ узнать про неудовольствіе, которое выразилъ императоръ Николай Павловичъ по поводу участія своего опальнаго порутчика въ дѣлѣ подѣ Валерикомъ. Какъ извѣстно, дѣло это описано поэтомъ въ стихотворномъ письмѣ его въ Петербургъ подѣ заголовкомъ того же имени. Авторъ патріотическаго „Бородино“ въ „Валерикѣ“ усвоиваетъ себѣ совершенно иной взглядъ на войну. То глубоко отрицательное отношеніе къ этому міровому злу, которое было впервые выражено въ Русской литературѣ Ломоносовымъ, а позднѣе рѣзко обрисовывалось въ трудахъ дѣйствительныхъ очевидцевъ войны (Гаршина и Толстого), у Лермонтова съ эффектной краткостью и Байроническою силою выступаетъ въ словахъ: „Жалкій человѣкъ... Чего онъ хочетъ?... Небо ясно... Подѣ небомъ мѣста много всѣмъ“. Очевидно, что при дѣйствительномъ зрѣлищѣ кроваваго поля моралистъ въ Лермонтовѣ взялъ верхъ надѣ воинственнымъ порутчикомъ. Простое величіе геройской смерти людей вѣщимъ стукомъ ударило въ сердце поэта, и пѣвецъ войны осудилъ войну. Да, война рѣзко была осуждена; тѣмъ не менѣе боевой завѣтъ Лермонтова: „Смѣло вдвѣнешъ ногу въ стремя и возьмешь ружье“, былъ на дѣлѣ выполненъ имъ самимъ съ такою отвагою, что послѣдовало даже представленіе къ наградѣ. Однако стихотвореніе ли это (гдѣ эпитетъ „жалкаго человѣка“ могъ быть учтенъ, какъ адресованный къ воинственному правительству, а слова: „Въ забавахъ свѣта вамъ смѣшны тревоги дикія войны“, могли быть поняты за косвенно-политическій упрекъ всему властному Петербургу) возбудило недовѣріе къ сосланному за проступокъ порутчику, или же то была бережливая заботливость Государя о судьбѣ славнаго уже въ то время поэта; но только начальство Лермонтова за допущеніе его въ экспедицію подверглось замѣчанію со стороны своего Верховнаго Вождя. Воля Монарха о томъ, чтобы порутчикъ Лермонтовъ ни подѣ какимъ видомъ не былъ отвлекаемъ отъ фрунтовой службы въ своемъ Тенгинскомъ полку, не застала Лермонтова въ живыхъ. Во главѣ своего казачьяго отряда пораженный Чеченскою пулею, осудившій свое ремесло, пѣвецъ войны палъ отъ руки одного изъ тѣхъ, въ груди которыхъ „пустое сердце бьется ровно“...

Анатолій Павловъ.

Рапортъ начальника штаба Отдѣльнаго Кавказскаго Корпуса командующему войсками на Кавказской линіи и въ Черноморіи, генераль-адъютанту и кавалеру Граббе отъ 18 Августа 1841 года № 1391, г. Тифлисъ*).

Государь Императоръ, замѣтивъ въ представленіи корпуснаго командира отъ 5 минушаго Марта № 458 съ ходатайствомъ о наградахъ, что переведенный 13 Апрѣля 1840 года за проступокъ лейб-гвардіи изъ Гусарскаго полка въ Тенгинскій пѣхотный полкъ поручикъ Лермантовъ при своемъ полку не находился, но былъ употребленъ въ Чеченской экспедиціи съ особо порученною ему казачьею командою, повелѣть соизволилъ сообщить г. корпусному командиру о подтвержденіи, дабы поручикъ Лермантовъ непременно состоялъ на лицо во фронтѣ и чтобы начальство отнюдь не осмѣливалось ни подъ какимъ предлогомъ удалять его отъ фронтовой службы въ своемъ полку. (О таковой Монаршей волѣ, сообщенной его высокопревосходительству г. дежурнымъ генераломъ Главнаго Штаба Его Императорскаго Величества отъ 30 прошлаго Іюня № 4859, по порученію г. корпуснаго командира, имѣю честь донести вашему превосходительству къ зависящему исполненію.

Генераль-маіоръ Коцебу.

*

На долгомъ вѣку моемъ встрѣчался я со многими людьми, которые близко знали Лермонтова. Покойная княгиня Е. А. Долгорукая, женщина отличнаго образованія и душезнанія, передавала мнѣ, что Лермонтовъ въ запросахъ своихъ былъ много выше и глубже Пушкина. Но какая же разница въ отзывахъ, которые намъ случалось слышать о Лермонтовѣ и Пушкинѣ; хотя и сей послѣдній бывалъ обидчикомъ, но это ему прощалось, и память о немъ согрѣта благодарною любовію. Къ Лермонтову уже относились болѣе и менѣе съ холоднымъ сожалѣніемъ. Неуживчивый нравъ его образовался не столько подъ воздѣйствіемъ печальнаго внутренняго состоянія, въ которомъ тогда находилась Россія, но по его обстоятельствамъ личнымъ. Для бабушки своей былъ онъ единственнымъ внукомъ, сыномъ единственной ея, скончавшейся въ родахъ, дочери. По свидѣтельству Сперанскаго, она покупала у зятя право не отпускать отъ себя внука, и отецъ Лермонтова, Задонскій помѣщикъ, человекъ добрый (по словамъ сосѣда И. А. Викулина) могъ лишь изрѣдка навѣщать сына. Геніальная душа ребенка съ самаго младенчества была расщеплена между отцомъ и бабушкою. Императоръ Николай Павловичъ могъ и не знать стиховъ Лермонтова. Но къ нему часто доходили слухи городскіе и донесенія нижнихъ, о затѣйливыхъ шалостяхъ молодого гвардейца, о томъ, что даже въ общественныхъ собраніяхъ

*) Центральный Владикавказскій Архивъ, по исторической описи, дѣло № 13362.

онъ позволялъ себѣ дерзкое обращеніе съ дѣвицами, и Государь, точно также, какъ узнавъ о поѣздкѣ Пушкина въ 1829 году на Кавказъ, воскликнулъ: „кто позволилъ, вѣдь армія моя!“ такъ и по отношенію къ Лермонтову смутилъ онъ своимъ замѣчаніемъ начальника Кавказскаго отдѣльнаго корпуса П. Х. Граббе, который самъ, конечно, зачитывался стихами Лермонтова.

Лѣтомъ 1841 года на свадьбу Наслѣдника престола собралась въ Петергофѣ вся царская семья. Во второй половинѣ Іюля, въ одинъ изъ воскресныхъ дней, Государь, по окончаніи литургіи, войдя во внутренніе покои дворца кушать чай со своими, громко сказала: „получено извѣстіе, что Лермонтовъ убитъ на поединкѣ,—собакѣ собачья смерть!“ Сидѣвшая за чаемъ великая княгиня Марія Павловна Веймарская, эта жемчужина семьи (*la perle de la famille*, какъ называлъ ее графъ С. Р. Воронцовъ) вспыхнула и отнеслась къ этимъ словамъ съ горькимъ укоромъ. Государь внялъ сестрѣ своей (на десять лѣтъ его старше) и пошедши назадъ въ комнату передъ церковью, гдѣ еще оставались бывшія у богослуженія лица, сказалъ: „господа, получено извѣстіе, что тотъ, кто могъ замѣнить намъ Пушкина, убитъ“.

Слышано отъ княгини М. В. Воронцовой, которая въ то время была еще замужемъ за близкимъ родственникомъ Лермонтова, А. Г. Столыпинымъ. П. Б.

Замѣтка объ Е. И. Поповой.

Въ ревизскихъ сказкахъ, въ „Матеріалахъ для исторіи Московскаго купечества“, означено, что въ 1811 г. Е. И. Поповой было 10 лѣтъ; слѣд. она родилась въ 1801 г. Поповы числились Московскими кушцами Хамовой (Хамовнической) Слободы. Родоначальникъ ихъ, Никита Леонтьевичъ Поповъ, родившійся въ первой четверти XVIII вѣка, былъ подкидышъ и воспитывался у „попа“ церкви Сергія Чудотворца въ Ямской Рогожской слободѣ, впоследствии „разстриги“, Михаила Степанова. Вотъ отчего и получили они свое прозвище. Отецъ Елисаветы Ивановны, Иванъ Васильевичъ, 3 гильдіи купецъ, родился въ 1774 г., скончался въ 1839 г. Въ 1811 г. онъ жилъ въ приходѣ Николая Чудотворца въ Новой слободѣ Сушевой части, въ своемъ домѣ. Сынъ его Александръ Ивановичъ показанъ въ 1834 г. чиновникомъ 10-го класса.

Николай Чулковъ.

